

ОТ
ГОЛЛИВУДА
ДО
БЕЛОГО
ДОМА

Олег Кассини

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Олег Кассини

От Голливуда до Белого дома

«Этерна»

1987

УДК 82.94
ББК 85.12

Кассини О.

От Голливуда до Белого дома / О. Кассини — «Этерна»,
1987 — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

ISBN 978-5-480-00417-5

Олег Кассини (1913–2006) – аристократ русского происхождения, знаменитый американский дизайнер одежды середины XX века. Работал в Голливуде, создавая костюмы для многих фильмов. Был женат на голливудской звезде Джин Тирни. После развода с ней был помолвлен с Грейс Келли, но их брак не состоялся из-за противодействия семьи Грейс. В 1960 году был объявлен официальным модельером первой леди США Жаклин Кеннеди и создал ее узнаваемый неповторимый стиль. По собственному признанию Кассини, ему довелось одевать (и раздевать) многих знаменитых женщин XX века. Об этом рассказывается в его увлекательной автобиографии, впервые издающейся на русском языке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.94

ББК 85.12

ISBN 978-5-480-00417-5

© Кассини О., 1987

© Этерна, 1987

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Глава 1	9
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Кассини

От Голливуда до Белого дома

Посвящается Лори Листер, чьи самоотверженность, энергия и талант сделали эту книгу совершенно невозможной... и возможной

Oleg Cassini

In My Own Fashion. An Autobiography

© Oleg Cassini, 1987

© Н.В. Толкунова, перевод, 2020

© А.А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2020

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2020

Предисловие к русскому изданию

Во второй половине XX века среди дизайнеров русского происхождения наибольшей популярности добился Олег Кассини – сначала в США, а потом и во всем мире. Он был отпрыском семьи потомственных российских дипломатов с русскими и итальянскими корнями. Отцом Маргерит Кассини, матери будущего дизайнера, был граф Артур Павлович Кассини, в разное время служивший посланником Российской империи в Китае, послом в Испании и США. Именным высочайшим указом от 14 октября 1892 года ему и нисходящему потомству было предоставлено право пользоваться графским титулом, с которым его дед, Виктор Кассини, поступил на российскую службу еще в 1790 году. Отец Олега Кассини, Александр Лоевский, тоже был дипломатом и служил в посольстве России в Дании. 11 апреля 1913 года у Александра Лоевского и Маргерит Кассини родился сын Олег, в 1915 году – сын Игорь, впоследствии известный американский журналист.

Раннее детство мальчиков прошло в Копенгагене, где тогда работал их отец. После октябрьского переворота, потеряв все состояние, семья переехала во Флоренцию, где знатный титул графов Кассини звучал громко и мог открыть многие двери. Фамилию жены взял и отец семейства Александр Лоевский. Художественно одаренная Маргерит Кассини начала работать во флорентийском шляпном ателье графини Фабрикоцци, а потом открыла собственный модный дом *Cassini*, который наверняка подтолкнул юного дизайнера, наблюдавшего за работой матери, к выбору этой профессии.

Олег рос в прекрасной Флоренции, городе художников и аристократов, впитывая окружающую его атмосферу творчества. Каждый, хоть раз побывавший в этом городе-музее, не может не полюбить флорентийское искусство, воспитавшее целую школу великих мастеров архитектуры, скульптуры и живописи. Дважды в год Олег сопровождал мать в поездках в Париж, где изучал и зарисовывал новейшие французские модели. Хотя изначально семья планировала для Олега дипломатическую или военную карьеру, он поступил во флорентийскую Академию изящных искусств, старейшую академию живописи в Европе, где его учителем был знаменитый художник Джорджо де Кирико.

В 1934 году Олег Кассини выиграл международный конкурс моды в Турине, представив публике женский костюм с большими пуговицами в стиле «казак». Впоследствии крупные пуговицы станут фирменным знаком многих его моделей и чуть ли не единственным украшением лаконичных костюмов, которые в 1960-е Кассини создаст для Жаклин Кеннеди.

В 1935 году молодой дизайнер получил место художника по эскизам в модном доме Жана Пату. Дом Жана Пату считался в 1920-е и 1930-е годы одним из самых высококлассных домов моды в Париже. Жан Пату был прямым конкурентом Шанель, много работал с трикотажем, шелком и шерстью. Но парижская карьера Олега Кассини не очень задалась, и в 1936 году вместе с младшим братом Игорем он переехал в Нью-Йорк. В 1937 году Олег Кассини открыл в Нью-Йорке свой первый модный салон, полностью основанный на его опыте, приобретенном как во Франции, так и в доме Пату.

В 1939 году состоялось открытие студии мод Олега Кассини уже в Голливуде, где он подписал контракт с кинокомпанией *Paramount Pictures* на создание костюмов для фильмов, причем со своими потенциальными работодателями он познакомился на теннисном турнире, в котором принимал участие. Первой работой Кассини в Голливуде в качестве художника кино стал фильм «Я мечтала о крыльях» (*I Wanted Wings*) с красавицей Вероникой Лейк в главной роли. Сначала он получал на студии 250 долларов в неделю и в основном разрабатывал костюмы для актрис фильмов категории В, но карьера молодого дизайнера быстро набирала обороты. В 1940-е и 1950-е Кассини был связан и с другими крупными голливудскими кино-

студиями и создавал наряды для таких признанных звезд, как Мэрилин Монро, Натали Вуд и Грейс Келли.

Успех сопутствовал дизайнеру и на светском поприще. Олег был интересным спортивным молодым мужчиной с аристократическими манерами, владел несколькими языками, хорошо одевался и очень нравился дамам. А дамы нравились ему. В первый раз он женился в 1938 году на дочери богатого чикагского промышленника Мерри Фарни, эксцентричной и своенравной особе, для которой это был уже четвертый брак. Семейная жизнь пары не задолго и закончилась скандальным разводом со взаимными обвинениями в изменах в 1940 году.

В 1941 году Олег Кассини создал костюмы для фильма известного режиссера Джозефа фон Штернберга «Жестокий Шанхай» (*The Shanghai Gesture*). Главную роль в нем сыграла актриса Джин Тирни, которая и стала второй женой дизайнера. С тех пор она носила на экране только наряды от Кассини. Родители Тирни были против их брака, и влюбленные сбежали в Лас-Вегас, где незамедлительно поженились, используя серьги Джин в качестве обручальных колец. У Кассини и Тирни родилось две дочери – старшая, Антуанетта-Дария, к сожалению, была глухой и умственно отсталой из-за краснухи, перенесенной Джин во время беременности. В 1950 году Кассини и Тирни даже появились вместе на экране в фильме «Там, где кончается тротуар» (*Where the Sidewalk Ends*). Олег исполнил роль дизайнера в эпизоде, а Джин играла модель. Но брак это не спасло, и в 1952 году он закончился разводом. Кассини обещал жене заботиться о дочерях и по завещанию оставил каждой 25 % своего немалого состояния. Остальное досталось его третьей жене Марианне, брак с которой продлился с 1971 года до его смерти.

Олег Кассини получил американское гражданство в 1942 году и пошел добровольцем в армию, где служил сначала в береговой охране, а потом в кавалерии, где ему довелось познакомиться с будущим президентом США Рональдом Рейганом. Он был умелым наездником, не раз подчеркивал, что в нем течет кровь запорожских казаков, и дослужился до чина лейтенанта.

После окончания Второй мировой войны дизайнер увлекся идеей создания готового платья и основал в Нью-Йорке собственную компанию по производству одежды *Oleg Cassini Inc.*, продолжая при этом сотрудничать с кинематографом и бродвейскими театрами.

Олег Кассини умел красиво ухаживать за женщинами и, ведя жизнь богатого и привлекательного свободного мужчины, в 1950–1960-е годы всегда появлялся в компании самых привлекательных кинозвезд и светских дам. Ему приписывают романы с актрисами Ланой Тернер, Бетти Грейбл, Урсулой Андресс, а в 1954 году Кассини был помолвлен с Грейс Келли, что очень сильно не одобряли родители кинозвезды, а сама Грейс в результате предпочла модельеру принца Монако Ренье и разорвала помолвку.

Звездный час Олега Кассини настал в 1960 году, когда его выбрала своим личным модельером Жаклин Кеннеди, жена только что избранного президента США Джона Кеннеди. К тому времени тридцатилетняя Жаклин уже считалась безусловной иконой стиля и была включена в ежегодный *Best-Dressed Women of the World List* – почетный список самых элегантных женщин в мире. Она предпочитала наряды парижских кутюрье, но, став первой леди, по патристическим соображениям, вынуждена была от них отказаться и прибегнуть к услугам американского дизайнера. Белый дом даже выпустил и распространил в средствах массовой информации специальное заявление по этому поводу. Американским дизайнером Джеки стал Олег Кассини, который должен был полностью отвечать за ее имидж, – именно так было записано в контракте. Этот выбор удивил мир моды, потому что тогда имя несомненно талантливого Олега Кассини все же не входило в первую десятку американских модельеров. Но Джеки нравился современный стиль его творений, и она не прогадала.

«Я создал для нее архитектурный силуэт а-ля египетская принцесса, собственно, так возникла в начале 1960-х международная мода на стиль Джеки. Она восхищала мир короткими манто и длинными перчатками, шляпками-коробочками и асимметрией вечернего туалета с

одним обнаженным плечом», – рассказывал Кассини в интервью уже после смерти Жаклин. Кассини также создавал для Джеки костюмы-двойки, состоящие из платья с круглым вырезом и приталенного жакета с рукавом в три четверти. Всего он сделал для нее около 300 туалетов, отказавшись от тканей с рисунком в пользу чистых и, как правило, светлых цветов. Вечером единственной данью декоративности был бант, закрепленный на талии или на плече, днем эту роль исполняли крупные пуговицы или узкий пояс. Весь гардероб Джеки отличала геометрическая строгость, графический эффект, который способствовал фотогеничности ее облика. В этом Кассини знал толк.

Проработав в кино долгие годы, он понимал, как определенная модель или ткань будет выглядеть на фотографии или экране телевизора, что было особенно важным в эпоху бурного развития этого медийного средства. Результатом стало повсеместное увлечение женщин всех возрастов стилем первой леди США и признание Олега Кассини дизайнером мирового уровня. «Дорогой Олег, – писала Жаклин Кеннеди Кассини в личном письме, – я всегда думала, что когда мы с Джеком поедem во Францию с официальным визитом, я тайком посету салон Живанши, чтобы заказать себе туалеты, но теперь я знаю, что в этом нет необходимости – ваши творения будут выглядеть прекрасно».

Когда после убийства президента Кеннеди Жаклин покинула политическую арену, Компания *Oleg Cassini Inc.* продолжала процветать. Кассини был хорошим бизнесменом и стал одним из первых дизайнеров в мире, заключавших лицензионные соглашения на все производимые товары (всего около сорока). Кроме того, его успех был связан с открытием фирмы *Young America by Cassini*, в которой продавалась не столь дорогая, но очень стильная одежда для молодых девушек, студенток колледжа и дебютанток.

Особенный всплеск популярности бренда приходится на эпоху диско, вторую половину 1970-х и все 1980-е годы. Производство своих вечерних платьев, вышитых блестками и бисером, с огромными подкладными плечами Олег Кассини разместил в Гонконге. Его товарообороты значительно выросли, а количество производимых вещей зашкаливало.

Часто в его работах этого периода встречается трикотажный люрекс, каплеобразные блестки и два вида силуэта – мини и макси. Подвенечные платья от Олега Кассини стали символами американской свадебной моды 1970–1980-х годов и продолжают пользоваться популярностью по сей день.

Немало сделал Кассини и для мужской моды. Одним из первых он начал выпускать цветные мужские сорочки для официальных случаев вместо традиционных белых, стал автором мужских трикотажных рубашек-батников с вытянутым и заостренным воротником. Его костюмы носили такие американские знаменитости, как телеведущий Джонни Карсон, актер Берт Рейнолдс, телемагнат Тед Тернер, спортсмен Майкл Джордан.

В 1989 году в знак признания его заслуг в мире моды Олег Кассини получил звание почетного доктора изящных искусств от Международного колледжа изящных искусств в Майами. В 2001 году наряды от Кассини были представлены на ретроспективной выставке, посвященной Жаклин Кеннеди, в нью-йоркском Метрополитен-музее, а затем и в Париже в Национальном Музее искусства моды на улице Риволи. В том же 2001 году в возрасте 88 лет дизайнер запустил новую успешную линию одежды *Oleg Cassini Sport*.

В таком творческом тоне Олег Кассини продолжал оставаться до самой смерти от последствий инсульта, настигшей его 17 марта 2006 года. Смерть 92-летнего дизайнера стала неожиданностью для его близких – настолько жизнелюбив и сохранен был этот человек, проживший долгую, яркую и успешную жизнь. «Образ Джеки оказал самое сильное в истории влияние на моду», – так сказала о достижениях Олега Кассини его коллега по цеху, художник кино Эдит Хед.

Александр Васильев Москва, 2020

Глава 1 Начало

Олег Кассини, 6 лет

Мне всегда нравилось, как она выглядит: юная, но без детской наивности, высокая, рыже-волосая, с веснушками и голубыми глазами. Она казалась тоненькой, но на самом деле у нее

была превосходная фигура со всеми восхитительными округлостями. Ее звали Нина, и она была датчанкой лет восемнадцати. Мне она казалась идеальной: загадочной, манящей, ласковой, заботливой, но, к сожалению, она была нянькой моего младшего брата.

Тогда мне было три года, и я очень нуждался в заботе и ласке. Я постоянно чувствовал себя несчастным. Наша семья жила в Копенгагене, где отец служил первым секретарем посольства России. Каждый день король Дании проезжал на коне мимо наших окон. На нем был синий однобортный мундир с серебряной окантовкой, и я отдавал ему честь, как меня научили. Король был прекрасен, но вселял ложную уверенность в незыблемости вещей. Я еще не знал, что это были трудные времена для королей.

Мне ничего не было известно о том, что происходит на родине, о последних судорожных метаниях нашего бедного царя Николая II. Уютному, защищенному миру предстояло вот-вот навеки исчезнуть, но мне было всего три года и у меня сохранились лишь обрывки воспоминаний о той поре. Крах нашего мира я не помню. Вот датского короля я запомнил и, конечно, Нину.

Как же она умела меня успокоить! Я был трудным ребенком с самого рождения, синюшным – эта болезнь называется цианоз¹, – и меня постоянно мучили обжигающе-горячими ваннами с горчицей, чтобы улучшить циркуляцию крови. Нервный, капризный, с аллергией на коровье молоко и частой рвотой – это все про меня. Я был тощим, с нездоровым цветом лица, где преобладали оттенки синего, красного, желтого, но только не розового. Розовой была Нина. Помимо ее прямых обязанностей – заботиться о моем младшем брате-везунчике, ей приходилось укладывать меня спать. Задача трудная, почти невозможная, но у Нины были свои методы: она ласково поглаживала сокровенную, самую чувствительную часть моего тела...

Но что это? Почему мама так кричит? Почему плачет Нина? Печально, но впервые я был пойман с поличным во время манипуляций, суть которых понял лишь годы спустя. Впоследствии я не раз попадался в разгар любовных утех, так часто, что уж и не знаю, не сформировалась ли у меня тогда эта подспудная установка.

И Нина исчезла из нашей жизни. Ее уволила моя мать, вполне предсказуемо не сумев вместить пусть не самые невинные детские забавы в рамки викторианской морали. Мама учила меня хорошим манерам, внушала, что, несмотря на наши стесненные обстоятельства, я рожден и должен оставаться джентльменом, аристократом. Мама верила в мой талант, стремилась, чтобы я занял подобающее место в обществе, но в вопросах секса она была излишне строга.

История с Ниной стала первым настоящим скандалом в моей жизни, но Нина не была моей первой победой. Должен признаться, женщины всегда меня обожали. Тут нет моей заслуги – с таким внушительным списком болезней мне требовалось их постоянное и неуспешное внимание. (Это не главная моя тактика для завоевания женщин, но время от времени я к ней прибегал.) Итак, у меня была мама, которая посвятила мне свою молодость. А еще – няня Фаррел, англичанка, и моя русская кормилица Маруся.

¹ Цианоз, синюха – синюшная окраска кожи и слизистых оболочек, обусловленная высоким содержанием в крови карбогемоглобина. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

На обороте записано для потомков: *первое свидание*

Няня Фаррел была усохшей, в накрахмаленном платье, типичной чопорной англичанкой с лошадиными зубами, очень строгой, но бесконечно мне преданной. С Марусей у них посто-

янно шла тайная, но ожесточенная война, которую няня Фаррел, по ее мнению, выиграла в тот день, когда я проглотил иголку.

Мне не было и года, когда однажды няня Фаррел разбудила маму посреди ночи и сообщила, что у меня в желудке иголка. «Как это могло случиться?» – потребовала ответа мама.

«Маруся разрешила ему с ней играть», – ответила Фаррел.

Маруся плакала и все отрицала, но меня отвезли в больницу, где, как ни странно, иголку действительно обнаружили у меня в желудке. Пришлось делать операцию, шрам от которой до сих пор заметен. Тем не менее мама поверила Марусе и решила уволить няню Фаррел. Та умолила маму оставить ее, сказав, что очень ко мне привязана и готова работать даром. Это был убедительный аргумент.

Не знаю, как все было на самом деле, по крайней мере, именно такую версию я слышал от моей мамы. Вероятно, она старалась поднять мою самооценку в годы, когда мы всё потеряли, и истории о нашем былом величии стали нашим единственным уделом.

О, эти бесконечные истории о незапамятных временах, о блестящем прошлом, о родословной, которая, с одной стороны, восходила к крестоносцам, а с другой – к тевтонским рыцарям! Это было мое наследие, вместе с благородным, но неожиданно оказавшимся анахронизмом графским титулом. Истории эти варьировались от семейных преданий и легенд, передававшихся из поколения в поколение, до подтвержденных документами доблестных свершений не столь давнего прошлого. Мой предок со стороны отца, рыцарь фон Лоев (что по-немецки значит «лев»), попал в плен к полякам при Грюнвальдской битве, его потомок Лоевский Белый одно время даже был королем Польши². С самого раннего детства мне внушали, что я веду свой род от благородных рыцарей-воинов.

Мой дед по линии матери Артур Павлович, маркиз де Капиццучи де Болонья, граф Кассини, был известным дипломатом, представлял интересы России в Китае, а потом стал российским послом в США во времена президентов Уильяма МакКинли и Теодора Рузвельта. Артур Кассини подписал Портсмутский мирный договор, завершивший японо-китайскую войну³, и в его честь назвали город Порт-Артур в Азии и Порт-Артур в Техасе⁴. С портрета на стене моей гостиной строго смотрит Артур Кассини в великолепном мундире, увешанном медалями, и с моноклем в глазу, постоянно напоминая о том, как играет нами судьба: если бы в 1917 году события приняли другой оборот, я стал бы кавалергардом, офицером самого элитного кавалерийского полка в России.

Родители желали для меня военной карьеры. Это был один из трех достойных русского аристократа видов профессиональной деятельности (два других – дипломатическая или научная карьера, хотя последняя считалась не столь престижной). В Императорскую гвардию дворяне записывали сыновей сразу после рождения, так сделал и мой отец. Мое будущее было определено: в 17 лет я был бы зачислен в Пажеский корпус, а потом вступил бы в один из кавалерийских полков, которые служили последней линией обороны и охраняли самого царя. Кавалергарды слыли превосходными наездниками, фехтовальщиками, игроками в шахматы... а также, как я понимаю, страстными любовниками, знатоками языков, танцорами, гурманами. В детстве они были моими героями. Служить в кавалергардском полку считалось большой честью – и в армейской табели о рангах, и в социальном смысле. Кавалергарды принадлежали к знати, они танцевали на великосветских балах, жили ярко и достойно выполняли свой

² Лоевский Белый (*Loewski Biela*) – такого польского короля не было.

³ Портсмутский мирный договор завершил Русско-японскую войну 1904–1905 годов. С российской стороны его подписали С.Ю. Витте и посол России в США Р.Р. Розен. Японо-китайская война завершилась в 1885 году заключением Симоносекского договора, который подписали представители Японии и Китая.

⁴ Английское название *Port Arthur* город Люйшунь получил в 1860 году, когда в тамошней гавани ремонтировался корабль английского лейтенанта Уильяма Артура. Позже это название было принято в России и других европейских странах.

долг. А какая у них была форма, просто загляденье – золоченые кирасы и каски, белые мундиры-колеты, синие брюки с красными лампасами и высокие ботфорты!

И вместо этого я стал дизайнером. Да, мне довелось одевать (и раздевать) самых знаменитых женщин XX века. Я работал для президентской четы Кеннеди. Я преуспел в бизнесе. У меня была блестящая жизнь, полная романтики и приключений. Но все это кажется таким незначительным по сравнению с тем, что могло бы стать моим по праву рождения, с моей непрожитой жизнью.

Я родился в Париже 11 апреля 1913 года. Доктор приехал в карете сразу после полуночи. На нем был цилиндр, фрак, белые перчатки, гетры – подобающий наряд для моего появления на свет в великолепной квартире на улице генерала Ламбера, в нескольких кварталах от Эйфелевой башни и Сены. Мне рассказывали, что я родился на белой с золотом кровати, задрапированной розовым шелком; таким же шелком были обтянуты стены, а на полу лежал розовый ковер. Я же пришел в этот мир синюшным (возможно, чтобы оттенить розовую феерию?). Все произошло в два ночи, и впоследствии этот час стал моим любимым временем суток. Моей крестной матерью была знаменитая красавица княгиня Ольга Палей.

Мой отец проводил время в погоне за удовольствиями, это являлось его основным занятием. Граф Александр Лоевский был сыном известного адвоката, специализировавшегося на розыске наследников крупных состояний. Отец был невысок – 5 футов 8 дюймов (около 170 см), с правильными, красивыми чертами лица, которые я не унаследовал. Большая часть его времени уходила на еду или на подготовку к трапезе. Он загодя подробно изучал меню ресторанов, три-четыре часа проводил за столом, ехал домой вздремнуть и просыпался к ужину. Другим его любимым времяпрепровождением были визиты к портному, которые тоже отнимали много сил – примерки могли длиться часами. Отец был настоящим денди и практически жил в парижском бутике Шарве⁵, где покупал галстуки и рубашки. Обувь он заказывал у Лёб⁶, костюмы у Брандони из Милана. У него было несколько сотен рубашек, все из шелка разных цветов. В 1960-е я произвел революцию в мужской моде, выпустив коллекцию цветных мужских рубашек; источником вдохновения стали для меня воспоминания о гардеробе отца. Для стирки он отсылал свои рубашки в Лондон, по пятьдесят штук сразу. А галстуков, по его рассказам, у него было 552.

⁵ Шарве (*Charvet*) – люксовый французский бренд, выпускавший рубашки, галстуки и другие предметы мужского туалета. Был основан в 1838 году.

⁶ Лёб (*Loeb*) – люксовая марка мужской обуви.

Отец Олега Кассини, граф Александр Лоевский

О гастрономических марафонах мне рассказывала мама; по ее утверждению, у нее не было проблем с лишним весом, пока семья не переехала в Париж. Потрясающий гардероб отца я помню и сам, но мне трудно совместить неулыбчивого, сломленного отца, которого я знал, с образом жадного до удовольствий бонвивана парижской поры. Отец был широко образованным человеком, знал несколько восточных языков, хорошо разбирался в философии – такая ходячая энциклопедия. Он мог ответить на любой вопрос, но, к сожалению, был мало приспособлен к жизни после революции. Отец неукоснительно соблюдал все требования гигиены, всегда был безукоризненно одет, даже в самых стесненных обстоятельствах. Если он снимал дома пиджак, то незамедлительно облачался в шелковый халат. Нищета не мешала ему держаться с большим достоинством.

Парижский период жизни семьи резко оборвался вскоре после моего рождения. Дедушка Климент Лоевский понял, что Первая мировая война уже у порога и в таких условиях немецкое правительство никогда не выплатит огромные долги по сложному наследственному делу, которым он занимался семь лет. Поэтому дед решил покончить со всем разом и застрелился в Лейпциге. В России он оставил неплохое наследство, но для поддержания привычного парижского образа жизни отцу этого было мало. Мы вернулись в Россию в июне 1913 года, и отец стал готовиться к экзаменам для поступления на дипломатическую службу. Он считал, что легко их сдаст, и оказался прав.

Мама ненавидела Россию. Там постоянно было холодно и люди слишком много пили. Ей не нравились жарко натопленные комнаты. До конца своих дней она грезилась только о Париже. Даже после многолетней успешной карьеры в Италии она говорила: «Я начинаю дышать полной грудью, только когда попадаю в Париж». В семье мы общались между собой на французском. В России я выучил русский, в Дании – датский, в Италии – итальянский, английскому меня научили няня Фаррел и американские фильмы, но для людей нашего круга по всей Европе главным языком был французский.

Первые годы моей жизни совпали с последними днями привилегированного класса, который достиг своего расцвета перед Первой мировой войной, но остался теперь лишь в воспоминаниях. Статус нашего рода был закреплен внесением его в пятую часть Дворянской родословной книги⁷, куда записывались иностранцы, получившие свой титул от государя. Поэтому нас принимали в лучших домах Лондона, Парижа, Рима, Мюнхена и в других местах обитания титулованной знати. Мы считали себя гражданами Европы, и, как многие другие русские аристократы того времени, мои родители, особенно мать, предпочитали жить в Европе.

Моя реакция на переезд в Санкт-Петербург оказалась еще более негативной, чем у мамы. Здоровье мое ухудшилось, и доктора настоятельно рекомендовали сменить место жительства. Мы переехали в имение Лоевских в Павловске неподалеку от столицы. Это был большой дом с верандой и белыми колоннами и чудесным ландшафтным парком на двадцати гектарах.

В Павловске я впервые увидел военных вблизи. Рядом с нашим имением находились казармы кавалергардского полка, куда я должен был впоследствии вступить. Очень скоро я научился различать воинские звания и правильно отдавать честь. Мама вспоминала, что я салютовал кавалергардам, когда мой дядя, полковник Георг Менгден, вел сине-бело-золотой полк из казарм на парад. Позже в Севастополе (там во время Первой мировой войны служил мой отец) я тоже по-военному браво приветствовал войска, а они отдавали мне честь в ответ, видимо приняв меня в матросском костюмчике за цесаревича.

Севастополь был лишь одним из мест службы отца во время войны, другие я плохо помню. Знаю, что он занимался дипломатической работой в Севастополе, Рени⁸, Бухаресте. Мы постоянно переезжали с места на место в специальных поездах со слугами, в памяти встает успокаивающий стук колес. При себе у нас было штук двадцать дорожных сундуков, мамины собаки (борзые Тристан и Изольда, а потом пудели), и за нашими передвижениями уследить было не легче, чем за перемещениями войск.

Брат Игорь родился в Севастополе в 1915 году. Судьба подарила ему роскошные кудри и жизнерадостный характер. С самого начала мы были полной противоположностью друг другу, в семье нас так и звали: *Jean qui rit* и *Jean qui pleure* (Жан, который смеется, и Жан, который плачет)⁹. Родители хотели, чтобы брат стал дипломатом. Мы с ним всегда были рьяными соперниками и лучшими друзьями.

Мои ранние воспоминания связаны с бесконечными переездами. Помню, как мы пересекали ночью на тройке замерзший Ботнический залив из Финляндии в Швецию. Бежали ли мы от революции? Не думаю. Скорее всего, ехали в Копенгаген к отцу северным путем, минуя театр военных действий в Европе. Зима, ночь; мама, Жиж (брат Игорь) и я укутаны в меха. Помню запахи меха и лошадей и маленькие светящиеся огоньки в отдалении. Мама сказала, что это глаза волков. Она почему-то казалась испуганной. Когда на рассвете мы приехали в Швецию, она все повторяла: «Как же повезло, как нам повезло!»

⁷ Иностранцы, то есть иностранцы, приехавшие в Россию, уже имея дворянское достоинство, заносились в IV часть Дворянской родословной книги. В V части книги были «титулами отличенные роды, которые имеют наследственное или по соизволению коронованной главы название».

⁸ Рени – город в Одесской области на Украине, где в годы Первой мировой войны работала военная промышленность.

⁹ *Jean qui pleure et Jean qui rit* – стихотворение Вольтера «Жан, который плачет, и Жан, который смеется».

Помню я и как матросы из Кронштадта застрелили моего кузена Юрия. Кронштадтское восстание произошло в июне 1917 года¹⁰. Оно ознаменовало начало русской революции, после того как царская армия потерпела поражение в битвах при Кёнигсберге и Танненберге¹¹, где Гинденбург¹² уложил миллион русских. Русские войска вернулись домой. Первым, после обещанной амнистии, восстал флот, разделившись на белых и красных. Всех флотских офицеров, оставшихся верными присяге, застрелили.

Не знаю, почему в это время наша семья оказалась в Павловске, ведь нам следовало находиться в Копенгагене. Возможно, мы вернулись, опасаясь за безопасность бабушки Евгении Евгеньевны, поскольку она вместе с сестрой отца осталась в России оберегать семейное имущество. Но мы там были, и я помню восставших матросов, которые ворвались в наш парк, когда мы собирались спуститься к чаю. В ужасе я наблюдал из окна, как к матросам вышел мой кузен. Юрию тогда было семнадцать, на нем был бутылочно-зеленый мундир Пажеского корпуса. Из-за мундира все и произошло, матросы убивали всех, кто был в него одет. Они отвели Юрия на задний двор и застрелили, как собаку. Я не видел его тела, но это событие глубоко меня потрясло.

Обрывочные копенгагенские воспоминания сплетаются в единое целое: там была Нина, там, в пробуждающемся сознании, рождалось ощущение, что все потеряно. Моего дядю, Георга Менгдена, убили его же солдаты. Помню смятение, слезы, споры – мать с отцом спорили постоянно. «Я должен вернуться, – говорил отец. – Если я не пойду сражаться, значит, я не мужчина. Это бесчестье. Мы должны спасти Россию от большевиков».

Мать умоляла его одуматься, говорила, что главный долг у него перед семьей. Как он может оставить ее с двумя детьми и совсем без денег! Позже она вспоминала: «У Саши на все был один ответ: надо ехать в Сибирь, чтобы присоединиться к войскам генерала Колчака».

Помню, как отец уезжал. Он готовил обмундирование, чтобы сражаться в Сибири в белой армии. Форма и сапоги специально шились для сибирского климата. Особенно мне запомнились сапоги – я всегда был к ним равнодушен – высокие, по колено, с подкладкой из тигриной кожи. Потрясающие сапоги. А потом отец уехал.

Я все откладывал рассказ о маме, просто не знал, как к этому подступиться. Не хочется повторять за другими расхожие фразы: «Моя мать была уникальной женщиной» или еще пуще: «Моя мать была святой». Это так банально, и маме бы точно не понравилось. Но ее жизнь действительно была наполнена драматическими событиями, и после того как революция пустила нас по миру, она полностью посвятила себя двум сыновьям. Она жила для нас, но эту жертву начинаешь ценить с возрастом, а в молодости материнская опека иногда кажется чрезмерной и сковывающей.

Мама была плодом необычного брачного союза. С одной стороны – дедушка, граф Артур Кассини, последний в роду знатных итальянцев из Триеста, которые служили русским царям (семейная традиция, наряду с титулом восходящая к битве на Мальте в конце XVIII века). С тех пор старшего сына семьи Капиццучи-Кассини всегда отправляли в Россию, где он учился в Императорском лицее в Москве¹³ и впоследствии поступал на государственную службу.

А с другой стороны – бабушка, Стефания («Дада») Ван Бетц. Ее слава была иного рода, чем у деда: бабушку, знаменитую артистку варьете по прозвищу Белая кошечка, приглашали выступать в лучших залах и даже на великосветских приемах. Вот на одном таком приеме в

¹⁰ Кронштадтское восстание матросов произошло в марте 1917 года. Взбунтовавшиеся матросы убивали офицеров.

¹¹ Битва при Танненберге – 1914 год. Потери русской армии составили 150 000 человек.

¹² Г и н д е н б у р г, Пауль фон – немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914–1916).

¹³ Императорский (Катковский) лицей в Москве был основан в 1867 году.

Санкт-Петербурге, который давал великий князь Владимир¹⁴, Артур Кассини впервые услышал, как поет Дада Ван Бетц, и потерял от нее голову. А она от него.

Роман хранили в секрете. Кассини раньше был женат на племяннице князя Горчакова, которая в конце концов устала от его постоянных измен и карточной игры (на ее деньги) и развелась с ним. Она вернулась в Санкт-Петербург и, во всей вероятности, пожаловалась на бывшего мужа императрице. Развод и сопровождение хорошенькой певицы в ее разъездах по Европе не могли не сказаться на дипломатической карьере деда. (Удивительно, что ему вообще разрешили остаться на службе, видимо, учли его заслуги.)

В любом случае, женитьба на Белой кошечке могла стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения. Поэтому Артур Кассини и Дада заключили тайный морганатический брак в 1880 году. Через два года родилась моя мать, Маргерит Кассини, и начала плестись сложная интрига. Когда деда назначили послом в Китай, мама поехала с ним в качестве «племянницы», а бабушка – как ее гувернантка.

В 1898 году он стал первым послом России в Вашингтоне¹⁵, и президент МакКинли настоял, чтобы хорошенькая «племянница» Кассини исполняла роль хозяйки на посольских приемах. Мама вскоре стала одной из самых популярных юных красавиц американской столицы вместе со своими подругами Элис Рузвельт (дочерью президента Рузвельта), Хелен Хей (впоследствии миссис Пейн Уитни)¹⁶ и Сисси Паттерсон¹⁷.

¹⁴ Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), младший брат Александра III.

¹⁵ С 1808 по 1890 год у России в США были дипмиссии, преобразованные в 1898 году в посольства.

¹⁶ У и т н и, Хелен Хей (1875–1944) – американская поэтесса, светская львица, жена миллионера Уильяма Уитни.

¹⁷ П а т т е р с о н, Сисси (1884–1948) – американская журналистка, редактор и издатель. Возглавляла газету «Вашингтон таймс геральд».

Мать Олега, Маргерит Кассини, дочь посла России в Соединенных Штатах. Была законодательницей стиля в Вашингтоне на рубеже веков

Мама в те годы была настоящей законодательницей стиля – и в моде, и в обществе. Она сама придумывала себе туалеты (ничего необычного для аристократки в этом нет, Мария-Антуанетта тоже так делала), которые для нее шила армия портних. На фотографиях того времени видно, что она стремилась подчеркнуть свою тонкую талию. С ее подачи в Вашингтоне на рубеже веков вошли в моду широкие пояса, как у мужского смокинга. Мама любила эпатировать и флиртовать. Одной из первых она начала курить в обществе и стала первой женщиной, принявшей участие в автомобильных гонках Вашингтон – Чеве Чейз¹⁸ с головокружительной скоростью пятнадцать миль в час. Спустя много лет Франклин Рузвельт-младший говорил мне: «Знаешь, мой отец был влюблен в твою мать». Не только он. Например, к ней был неравнодушен Джо, брат Сисси Паттерсон, впоследствии издатель «Дейли ньюс».

¹⁸ Чеве Чейз – пригород Вашингтона. Расстояние между Вашингтоном и Чеве Чейз составляет 11,5 км.

В 1900 году дед наконец признался царю, что мама – его дочь, а не племянница, и по специальному царскому указу она получила титул графини Кассини, который унаследовали мой брат и я.

Мама не отличалась классической красотой, но, несомненно, была очень привлекательна, с легкой чертовщинкой – отражением ее характера. У нее были тонкие черты лица и выразительные глаза. Природа наделила ее бархатным голосом (много лет она старалась повторить успех своей матери-певицы), и она без малейшего акцента говорила на английском, французском, немецком, мандаринском диалекте китайского и русском. А вот в итальянском мама была не так сильна, потому что ей пришлось выучить его достаточно поздно.

Осенью 1919 года настал переломный момент маминой жизни: ей предстояло выплыть или утонуть. Муж ушел на войну, оставив ее без средств к существованию; она могла рассчитывать только на деньги, вырученные от продажи креста работы Фаберже и других фамильных драгоценностей. (Сумма эта оказалась очень скромной, ведь в те годы рынок был наводнен артефактами из России и «бесценные» вещи стоили совсем дешево.) На руках у нее остались двое хнычущих детей с коклюшем, а то и похуже, как она полагала, и впервые рядом не было слуг.

К трудностям жизни мама была готова не лучше, чем отец, но она обладала неукротимым инстинктом выживания. Опасаясь за наше с братом состояние, мама немедленно повезла нас в Швейцарию, прелестный городок Монтрё на берегу Женевского озера, где пульмонолог заверил ее, что мы абсолютно здоровы. И вот тут мама столкнулась с более серьезной проблемой: а что делать дальше? Много лет спустя она призналась, что были моменты, когда она готова была в отчаянии броситься со скалы, но нам с братом она этого никогда не показывала. Мне мама всегда казалась полной жизни оптимисткой, неистощимой на новые идеи, шутки, меткие наблюдения и предложения.

Сначала мы жили в пансионе, где мама готовила нам спагетти на плитке. Скоро она стала встречать на улицах Монтрё старых друзей – город был наводнен русскими беженцами, как и вся Европа. Русская великая княгиня Елена¹⁹ была там со своим мужем, греческим принцем Николаем. Король и королева Греции²⁰ временно жили в изгнании в Люцерне. Были в Монтрё и американские туристы, среди них – светские львицы Руфь Ханна (дочь сенатора Марка Ханны) и Марта Хой, хорошие знакомые мамы.

Все они советовали ей начать карьеру в области моды. У мамы не было специального образования, но было врожденное чувство стиля, и она знала главный секрет моды – как быть дерзкой без вульгарности. Она всегда обладала изрядной смелостью в своих модных начинаниях и создавала новые тренды еще в Вашингтоне. В Монтрё на деньги, взятые в долг у греческой королевы Софии, мама открыла в «Гранд-отеле» небольшой бутик. Там продавались шляпки и сумочки, детская одежда, которую демонстрировали маленькие греческие принцессы, и другие очаровательные мелочи. Великая княгиня Елена иногда помогала маме, замещая ее в бутике. Титулованная продавщица привлекала клиентов, и модный бизнес начал приносить небольшой доход.

В один прекрасный день мама повстречала на улице князя Константина Кантакузена²¹. Кантакузены были среди пяти или шести самых богатых семей в России, а теперь у них оставалась только вилла, которую они подарили несколько лет назад своему преданному слуге. Когда семья бежала от революции в Швейцарию, этот слуга настоял, чтобы они поселились на вилле, и снова начал им прислуживать. У Кантакузенов был прекрасный дом в горах рядом с Монтрё,

¹⁹ Великая княжна Елена Владимировна Романова, внучка Александра III, жена греческого принца Николая.

²⁰ Король Греции Константин I занимал престол с 1913 по 1917 год. Из-за прогерманских симпатий оставил бразды правления своему сыну Александру I, а после его смерти вновь вернулся на престол в 1920 году.

²¹ Кантакузены – румынский боярский и русский княжеский род.

но никаких средств к существованию, а у нас – небольшие деньги, но никакого жилья. Мама с князем заключили сделку, и мы переехали на виллу Кантакузенов. Она представляла собой огромное каменное строение комнат в сорок, не меньше.

Князь Кантакузен был мужчиной с суровым, иконописным лицом, черной вандейковской бородкой, абсолютно лысой головой и горделивой осанкой. Я мог бы представить его в роли средневекового византийского рыцаря, размахивающего мечом. Но в жизни мне приходилось видеть его за куда более скромными занятиями: например, он подносил сундуки с товарами в мамин бутик. Мама говорила мне: «Видишь, Оли, на что способен настоящий джентльмен. Он не боится никакой работы, не считает зазорным носить чемоданы».

Нас с братом работа не интересовала, и в бутике мы бывали редко. Мы были представлены сами себе, целыми днями резвясь в горах. Мама всячески поощряла наши занятия спортом. Ее беспокоил мой болезненный вид, и она считала, что энергичные упражнения благотворно скажутся на моем здоровье. Вполне резонно она полагала: чтобы выжить в этом пугающем новом мире, мы должны быть сильными.

Все это время мы не получали никаких известий от отца. Колчака убили в Сибири, белая армия отступила. Больше года мы ничего об отце не знали. Наконец, однажды мама пришла домой в слезах. Отец нашелся в Японии, в Йокогаме. Она послала ему денег, и он вернулся к нам.

Возвращение отца стало еще одним поворотным пунктом в нашей жизни. Мама надеялась, что теперь он снова возьмет на себя обязанности главы семьи, которую станет обеспечивать. Но этого не случилось. Отец вернулся сломленным, абсолютно не способным адаптироваться к новым реалиям человеком; более того, он не хотел признавать, что наш старый мир исчез навсегда. До конца жизни он считал власть большевиков временным явлением, они неминуемо должны были потерпеть поражение. Отец был уверен, что мы обязательно вернемся в Россию и снова займем подобающее место. А он пока подождет и останется джентльменом. Мама вспоминала, что он вернулся к нам в Монтрё в сентябре 1920-го «в прекрасной физической форме с дюжиной чемоданов, полных новых рубашек, галстуков, носков, пижам и костюмов».

Родители начали ссориться. Мама обвиняла отца в том, что он оттягивал отъезд из Японии, потому что у него там был роман с француженкой (отец настаивал, что дама была русской). Мама хотела, чтобы он пошел работать, отец сопротивлялся. Помню, однажды она нашла для него место в Швейцарском банке. Отец был шокирован. «Я не банковский клерк, – кричал он. – Никогда в жизни я на это не соглашусь!» И прибавил, что решил собрать старых друзей для еще одной военной операции против большевиков. Отец об этом мечтал, но в глубине души сознавал, что все потеряно, и его это постоянно мучило. Как-то я видел, что он ударил себя по щеке и сказал горько: «Александр Македонский к тридцати двум годам завоевал мир. Мне тридцать девять, а я...» И стал биться головой о стену.

Жижи и я ждали от отца подробных рассказов о войне. О сражениях он говорить не хотел, хотя однажды признался, что видел, как человека разрубили пополам казачьей саблей. Зато он охотно делился с нами уроками, которые извлек из войны, и среди них – неукоснительное соблюдение правил гигиены. Он мылся каждый день, даже на фронте в Сибири при температуре минус пятьдесят, где ему приходилось обтираться снегом. Рассказы отца и его образ бравого вояки имели на нас с братом огромное влияние. Мы стали собирать солдатиков и продолжили коллекционировать их всю жизнь. Меня завораживали мундиры, оружие и доспехи; коллекция изображений формы различных родов войск и поныне развешена на стенах моего дома. Впоследствии эти образы вдохновили меня на создание многих моделей, я активно вводил стиль милитари в женскую моду – двойной ряд крупных пуговиц, цветовые сочетания бутылочно-зеленого с алым и темно-синим. Военные мундиры стали важной темой в моей дальнейшей работе.

Меня рассказы отца завораживали, но маму приводила в отчаяние его заикленность на прошлом. Она понимала, что отныне содержать семью придется ей. Да, ее бутик имел успех, но весьма скромный. Она решила, что семье будет лучше переехать в Грецию, где король Константин вот-вот снова должен был занять престол, и для нас открывались неплохие перспективы. Королева София тоже поддерживала эту идею.

И вот в феврале 1921 года мы на поезде уехали из Монтрё и остановились по пути в Милане, где мама встретила еще одного своего старого друга, графа О'Салливана, который отговорил ее от переезда в Грецию. Положение монархии в Греции было шатким, убеждал он, (и действительно, она долго не продержалась²²), лучше направиться во Флоренцию. Там мама сможет открыть бутик, клиентами которого станут американские туристы. Флоренцию мама всегда ненавидела, но граф дал ей ценный контакт в этом городе, порекомендовав обратиться к графине Артуро Фабриотти.

Наше прибытие во Флоренцию, город, где я проведу свою юность, было запоминающимся. Отец познакомился на вокзале с русским эмигрантом Куртом Овчинниковым, диковатого вида дурно пахнущим вегетарианцем. Они тут же стали громко строить грандиозные планы (контрреволюционного переворота, разумеется). В каких-то сферах жизни отец мог не проявлять особых талантов, но у него была почти сверхъестественная способность немедленно находить русских эмигрантов в любом новом месте.

Мама между тем потащила нас с Жижой осматривать этот каменный город – статуи, памятники, старинные мосты. Напоследок мы зашли в маленькую церковь на пьяцца Антинори, где было полно народа и нас чуть не затолкали. И вот, когда мы собрались уходить, раздался оглушительный взрыв. Казалось, что здание сейчас рухнет, начались крики и паника. Толпа увлекла нас вниз по лестнице, и мне тогда даже показались забавными вся эта беготня и переполох. Позже выяснилось, что в церкви взорвалась бомба, несколько человек погибли. Так мы узнали, что в Италии практически шла гражданская война, коммунисты и фашисты Муссолини боролись за власть. На улицах убивали. Можно было увидеть бегущих людей, стать свидетелем избиения. Несколько раз я видел, как фашисты прямо на улице вливали в глотку коммунистам касторовое масло с его взрывным слабительным эффектом. По крайней мере, я думал, что это коммунисты.

Внешне я ничем не проявлял реакции на все, что творилось вокруг – взрыв в церкви, насилие на улицах. Любопытство даже превалировало над страхом, но в душе вновь проснулась тревога. Я рос нервным ребенком, с раннего детства – убийства моего кузена Юрия – был свидетелем ужасных событий. Чувство постоянного беспокойства стало моим уделом. Все это не могло не сказаться на формировании характера, а еще у меня не было уверенности в том, кто мы и какое место занимаем в мире. Наша семья, конечно, была знатной. «Помни, ты Лоевский-Кассини, – всегда говорила мама. – Ты джентльмен». Но при этом мы были бедны, очень бедны. Мы были одновременно лучше и хуже других, и, соответственно, моя самооценка постоянно менялась.

Возбудимому ребенку трудно с этим жить, но дальше стало еще сложнее, потому что мама отдала меня в иезуитскую школу, когда я совсем еще не знал итальянского. Это был ее любимый метод: бросить ребенка в холодную воду, чтобы он научился плавать. В моем случае вода была просто ледяной.

Колледжио делла Кверсе располагался в реконструированной вилле XV века на вершине холма, окруженной высокими стенами и величественными соснами. Школа стала для меня тюрьмой. Моего учителя звали дон Луиджи. Он носил хорошо скроенную черную сутану (я уже тогда обращал внимание на крой), только весь эффект портила обильная перхоть на плечах и нечищенная обувь. Я старался добиться его расположения приветливой улыбкой и изображал

²² В 1924 году была провозглашена Вторая Греческая республика.

пристальное внимание, хотя едва понимал, о чем он говорит. (Даже если бы я знал итальянский, я бы вряд ли добился успеха, потому что постоянно витал в облаках и спал на уроках с открытыми глазами.) И конечно, дон Луиджи скоро вывел меня на чистую воду.

Однажды он вызвал меня к доске и задал несколько вопросов. Я так испугался, что мой мочевого пузырь не выдержал напряжения и, что еще ужаснее, моча попала на сутану учителя. Он расвирепел, схватил меня за волосы и несколько раз ударил головой о стену. Случай этот, разумеется, наделал шуму, и я стал предметом насмешек своих одноклассников.

Избиения меж тем продолжались. Дон Луиджи вызывал меня в свой кабинет, ударял головой о стену, бил линейкой по рукам и грозил: «Не смей никому об этом говорить, или ты об этом сильно пожалеешь».

Причин для беспокойства у него не было. Я боялся сказать хоть слово маме, чтобы она не сочла меня неженкой и нытиком. Месяцами я жил в страхе, и это стало сказываться на моем здоровье. Я худел, потерял сон, глаза покраснели. Когда я все-таки набрался мужества рассказать обо всем маме, она, надо отдать ей должное, ни на секунду не усомнилась в моих словах. Так будет всю жизнь: она всегда безоговорочно верила нам с братом, принимала нашу сторону и защищала. Разгневанная мама явилась в школу, в резкой форме пожаловалась на иезуита и забрала меня из этого заведения. Она отдала меня в другую католическую школу с не такими суровыми правилами. Несмотря на мое католическое образование, я, как и вся семья, периодически посещал православную церковь. Нас с Жижи водил туда отец, чтобы мы не отрывались от своих корней.

Между тем мама начала налаживать свой бизнес во Флоренции. Ей повезло во многом благодаря удивительному совпадению: графиня Фабрикотти оказалась Корнелией Рузвельт Сквел, подругой мамы еще по Вашингтону. Она охотно помогла маме сделать первые шаги.

У графини Фабрикотти был модный бутик на виа Торнабуони. Их семье принадлежала великолепная мраморная вилла, один из самых красивых домов, которые мне доводилось видеть. Участок вокруг виллы казался ландшафтным парком посреди города: 15 акров ухоженных садов с водоемами, скульптурами, цветниками и порхающими птицами. Величественная мраморная лестница вела к дому, насчитывавшему не меньше шестидесяти комнат. Вилла была обставлена прекрасной мебелью, которая восхитила и маму, и меня.

Нас пригласили на чай, и за чаепитием было решено, что первым модным проектом мамы станет коллекция шляпок, которые графиня будет продавать в своем бутике. Ничего толкового из этого не вышло: под порывами ветра все декоративные элементы со шляпок облетали. (Идеи у мамы были замечательные, а вот опыта для их воплощения очень мало.) Но графиня Фабрикотти продолжала ее поддерживать. Следующим проектом стала коллекция платьев, вариации на тему парижской моды, и она имела значительно больший успех.

В это время свой первый настоящий успех познал и я. Мама настаивала, чтобы мы с Игорем воспитывались как настоящие джентльмены, а джентльмен просто обязан уметь ездить верхом. Мы были знакомы практически со всеми русскими аристократами во Флоренции; большинство из них работали шоферами. Самым импозантным был известный наездник князь Джордждзе, который знал, где мне можно было научиться верховой езде.

Когда меня впервые посадили на лошадь и дали несколько элементарных инструкций, случилась удивительная вещь. «Мальчик, – едва успел сказать мне тренер, – опусти пятки, держи спину прямо...» – и вот я уже не только еду шагом, но и пускаю лошадь в галоп. Чувствую себя при этом абсолютно уверенно.

«Я такое вижу в первый раз, – сказал тренер маме. – Вы уверены, что ваш мальчик никогда раньше не ездил верхом?»

«Никогда в жизни», – ответила мама.

«Что ж, – сказал тренер, – учить мне его нечему. Он все уже умеет».

И тут отец засмеялся: «Индеец! Я же говорил, что он был индейцем!»

Он имел в виду – в прошлой жизни. Отец все больше тяготел к мистицизму, верил в реинкарнацию, переселение душ. (Наверное, его недовольство своей участью было столь велико, что он поневоле верил – в следующей жизни все пойдет иначе.) Он часто говорил мне, что я был американским индейцем в предыдущей реинкарнации, возможно даже вождем. Мне это нравилось, как нравилось слушать его рассуждения о религии и мистике, да о чем угодно, на самом деле. Когда отец ненадолго отвлекался от своих несчастий, он рассказывал нам увлекательнейшие истории о кругосветных путешествиях, дальних странах, о Бразилии, Дальнем Востоке...

Но, к сожалению, чаще всего отец нас с братом просто игнорировал. Он потерял свою гордость, свой статус и деньги. Мама была так поглощена работой, что все больше отдалялась от него, а ведь он был еще молодым человеком. Их сексуальная жизнь закончилась, она не хотела новых детей. Мамино отношение было очевидно: она вздрагивала и уклонялась от любых его прикосновений. «Нет, Саша, нет, не нужно», – говорила она. Отца это приводило в ярость, и он стал ревновать ее, потому что мама все еще была очень привлекательной женщиной.

Мама и сама была высокого мнения о своей внешности. Она попала на банальную уловку и наняла местного «режиссера», который должен был снять короткометражку с мамой в роли женщины-вамп. Потом этот фильм якобы покажут римскому продюсеру, который может предложить ей роли в своих картинах. Эта затея казалась мне отвратительной: толстый, бородачатый итальянский Ромео (режиссер сам исполнял роль главного героя) бегал за мамой по парку виллы Фабрикотти. Сюжет фильма напоминал «Любовника леди Чаттерлей»²³, только без порнографии. Я был в ужасе, когда этот человек целовал маму. Отец тоже. Родители много ссорились из-за фильма, отец говорил, что мама зря тратит деньги и выставляет себя на посмешище. Так и было.

У отца были и другие поводы для ревности. Маму часто навещал бравый кавалерийский офицер по фамилии Ферручи. Он приезжал на велосипеде с саблей, пристегнутой к рулю. Однажды мама устроила коктейль для своих друзей, и Ферручи привел приятелей-кавалеристов. Появился отец, сел в кресло и, сохраняя полное молчание, стал грозно на всех поглядывать. Атмосфера накалилась, и гости поспешили ретироваться. Разразился грандиозный скандал. Родители часто ссорились – она умела его поддеть, у него был взрывной характер, – но на этот раз криками дело не обошлось. Отец в ярости гонялся за мамой по комнатам, зажал ее в углу на кухне и начал душить. Мы с Жижой были в панике, и, не помня себя от ужаса, я схватил тарелку и разбил ее о голову отца. Это привело его в чувство, и он отпустил маму.

Теперь, по прошествии многих лет, я гораздо больше сочувствую отцу, чем в детстве. Он был потерян человеком и стыдился своего положения. Но тогда роли распределялись так: отец – монстр, мама – несчастная жертва, и мы с братом всегда были на ее стороне.

Летом 1922 года мама решила отправить отца, Жижю и меня на море, пока она будет готовить коллекцию и подыскивать новое жилье для семьи. Она сняла несколько комнат в домике лесника в *pineta* – сосновом лесу рядом с Виареджио. С тех пор мы не раз проводили лето в этой глуши (теперь это популярный курорт). Позже мама арендовала виллы в Форте-деи-Марми, где нашими приятелями стали Эмилио Пуччи и Джанни Аньелли²⁴. Для семьи Аньелли, владельцев компании *FIAT*, на пляже был сооружен собственный шатер в экзотическом вкусе. Он был целиком сделан из тисненого сафьяна, а внутри пол устлала ковры и подушки, как в арабских сказках. После того как набегаетесь по пляжу и напрыгаетесь в

²³ «Любовник леди Чаттерлей» – роман Дэвида Лоуренса (1928). Публикация романа вызвала большой скандал в связи с откровенными описаниями сцен сексуального характера.

²⁴ Пуччи, Эмилио (1914–1992), маркиз ди Брасенто, известный итальянский модельер; Аньелли, Джанни (1921–2003) – итальянский предприниматель, главный акционер и исполнительный директор *FIAT*. В 1930-е годы семья Аньелли купила виллу в Форте-деи-Марми, и курорт вошел в моду.

волнах с Джанни (он на несколько лет меня младше), было особенно приятно получить приглашение на ланч в эту страну чудес.

Но в то первое лето с отцом в доме лесника жизнь была и не такой роскошной, и полной сумбура, как это обычно при нем бывало. Он ненавидел солнце и отказывался покидать дом. Еще больше он ненавидел быть при нас нянькой и делать любую, самую простую работу по дому. Отец все злился и злился, и однажды поздно вечером выгнал меня на улицу, велел идти к другу за забытой игрушкой. Я боялся темноты и не хотел никуда идти, но еще больше я боялся отца, как и Жижи, который стоял вместе со мной во дворе, пока в доме не стихли отцовские крики. Но временами он бывал спокоен и сосредоточен, и тогда мы с братом наслаждались его рассказами о Тарасе Бульбе, русско-турецкой войне, об Александре Македонском. Мой неослабевающий интерес к истории – это заслуга отца.

Осенью во Флоренции у нас началась новая жизнь. Мамины дела пошли успешно. Идея была проста: дважды в год она ездила в Париж, изучала новые коллекции, высматривала лучшие модели и производила их во Флоренции за значительно меньшую цену. Кроме того, она начала проводить дефиле с участием манекенщиц, как это делали в Париже, и это стало настоящим событием во флорентийском обществе (особенно учитывая наплыв американских туристов, путешествовавших по Европе в бурные двадцатые).

Квартира у нас теперь тоже была новая, с эффектным, хотя и весьма причудливым интерьером. Она занимала треть дома в фешенебельном районе на бульваре Америго Веспуччи на набережной Арно. В качестве декоратора мама наняла русскую девушку, которая называла себя Ла Барцова и принимала участие в оформлении спектаклей Дягилева. Ей нравились драматические сочетания красных, фиолетовых и розовых оттенков. Например, в комнате, которую отвели нам с Жижи, были красные стены, а на белых карнизах расцветали алые маки. Шторы были сделаны из белого льна, тоже вышитого маками. На полу лежал снежно-белый ковер (по крайней мере, таким он оставался первые два дня). И – вишенка на торте! – Ла Барцова декорировала комнату дорогими куклами в костюмах народов разных стран. Позже мы с братом развлекались, устраивая казнь кукол – отрубали им головы и бросали в воды Арно прямо из окна.

Жижи и я были неразлучны и пользовались дурной славой. Нас, заядлых драчунов, называли «маленькими казаками». Мы возобновили русско-турецкую войну, а в качестве армии неприятеля использовали Нахад-бея, флегматичного толстого сына турецкого консула. Жижи атаковал его с одного фланга, я с другого, и мы задавали ему хорошую взбучку, полностью приводя в негодность его матроску.

Больше всего мы любили играть в ковбоев и индейцев. Я придумывал костюмы для нас обоих – мой первый опыт в этой области (сам я, конечно, был индейцем). Устраивали мы и другие костюмированные представления. Так несколько раз мы играли в нищих: стояли на улице недалеко от нашего дома, одетые в лохмотья, с грязными лицами, и просили милостыню. Потом эти деньги тратили на кино. Это продолжалось, пока однажды нас не засекала негодующая мама.

Участвовали мы тогда с немалым энтузиазмом и в более зловещей костюмированной драме: мы с братом были *balilla*, членами фашистской молодежной организации. Все школьники должны были пройти в ней подготовку, и, должен признаться, нам это нравилось, хотя на деле наши сборы были похожи на обычные занятия бойскаутов с военным уклоном. По воскресеньям мы организованно играли в войнушку, и нам внушали, что мы должны быть готовы сражаться с коммунистами. Вот это для меня было очень важно, потому что кто, как не коммунисты, отняли все у нашей семьи.

Форма членов организации тоже привлекала: черная рубашка, шорты хаки и маленький черный берет. Черные форменные ботинки мне сшили на заказ. Приятно было выглядеть так

элегантно, хотя глупую пропаганду, которой нас пичкали, я уже тогда умел распознать. Ну какая, в самом деле, из нас «первая линия обороны от коммунизма», когда мы ничего толком не умели? Я был командиром отделения, но никак не мог научить десятерых моих подопечных маршировать в ногу, они постоянно расползались кто куда. Я понимал, что если Италию придется защищать нам, у страны возникнут серьезные проблемы. День ото дня пропаганда становилась все массивнее и жестче, хотя в самом начале Муссолини многим казался чуть ли не героем. Он победил коммунистов и восстановил порядок, он боролся с мафией, и, самое главное, поезда стали ходить по расписанию. В обществе его поддерживали лучшие люди.

К тому же фашисты научили нас кататься на лыжах. Они уделяли много внимания всем спортивным соревнованиям. Зимой по выходным у нас бывали лыжные гонки, и мы с братом показывали немалые успехи. Этот вид спорта только набирал популярность за пределами Скандинавии, снаряжение еще было весьма примитивным, как и лыжные костюмы. Мама снабдила меня русской меховой шапкой, толстым свитером и курткой из шотландки, что хорошо предохраняло от холода. А вот ниже пояса дела обстояли хуже. Брюки были сшиты из армейского сукна и промокали, как и ботинки, которые, подозреваю, были сделаны из папье-маше. Ноги замерзали буквально за несколько минут. Было очень некомфортно, зато весело.

Мы садились в открытые грузовики, которые везли нас в местечко Абетоне в Апеннинах. Сейчас из Флоренции можно добраться туда за пару часов, но тогда путешествие занимало большую часть дня. Мы некоторое время катались на лыжах и пускались в тех же грузовиках в обратный путь, все еще потные и разгоряченные. Не самая полезная для здоровья ситуация, но она помогала воспитывать настоящих мужчин – так считали фашисты.

Я никогда не ходил спокойно, не мог устоять на месте, а вечно носился сломя голову. Мне нравилось бегать, прыгать, исследовать все вокруг... и однажды, когда мне было одиннадцать лет, эта привычка чуть не привела к трагедии. Это случилось днем после школы. Я направлялся в недолго просуществовавшую маленькую чайную, которую отец открыл вместе со своим другом Куртом. (Они назвали ее «Дейзи», после чего отца во Флоренции еще долго называли синьором Дейзи.) Я часто ходил туда лакомиться пирожными. В тот день я бежал по улице, где шли строительные работы. Там была навалена огромная груда гранитных плит, чтобы мостить тротуар, целая гора, на которую я конечно же должен был взобраться. Я взлетел на эту гору, и она развалилась подо мной, опрокидывая меня в яму. А сверху на меня упала тяжеленная плита и рассекла ногу над коленом до самой кости. Ручьем полилась кровь, показались перебитые мышцы, ужас, одним словом. Я был в полубессознательном состоянии.

Меня спас сторож. Он вытащил меня из ямы, поймал такси и отвез в ближайшую больницу, которая оказалась лучшей во Флоренции – Сан Джованни ди Дио. Меня немедленно отправили в операционную и собирались ампутировать ногу (нынешних чудо-лекарств еще не существовало, а заражение столбняком было смертельной угрозой). Мне дали завернутую в марлю деревяшку, чтобы я зажал ее между зубами – вот и вся анестезия.

Но как только хирург собрался приступить к делу, в операционную ворвалась мама. Кто-то успел ей рассказать о несчастном случае со мной. Сквозь пелену невыносимой боли я понимал, что она находится рядом, но не мог ничего сказать из-за деревяшки во рту, и только слезы катились по моим щекам. Но в полузабытьи я понимал, что она *спорит* с врачом. «Мы будем ампутировать», – сказал он.

«Пусть лучше умрет, чем останется без ноги», – заявила мама.

Врач продолжал настаивать, и мама дала ему пощечину. Это оказалось весомым аргументом, и он вызвал другого врача для консультации. Тот сказал, что, если не начнется гангрена, шансы на спасение ноги есть, но процесс заживления будет очень долгим.

Целый год я провел в постели, каждый день в смертельном страхе ожидая прихода врача: вдруг он отрежет мне ногу. Врач приходил, обрабатывал рану, что было очень болезненной

процедурой, да и рана выглядела ужасающе, и каждый раз существовала опасность, что он скажет: «Все, придется ампутировать». Мне нельзя было двигаться. Рану зашили, и ситуация долго оставалась нестабильной. Наконец стало ясно, что опасность миновала. Я сохранил ногу, но до выздоровления было еще далеко. Мне казалось, что это длилось целую вечность.

Этот год вынужденного бездействия оказал, как мне кажется, решающее влияние на формирование моего характера. Я перестал бегать и начал думать. Я принялся жадно глотать книги, особенно по истории. Я изучил историю России и Италии. Мне нравилось читать о крестовых походах и рыцарях, подвигах и чести. Меня заворожила старинная одежда и символика в костюме. Любимой моей темой стали американские индейцы. Начал я с Джона Фенимора Купера и скоро перешел к более серьезным документальным книгам. Я знал все племена: великолепных наездников команчей, суровых красавцев навахо, элегантных кроу – настоящих денди равнин, благородных обреченных сиу – моих любимцев. В том году я погрузился в их мир.

Из своего заточения я вырвался, как человек, попавший на яркий свет из темной комнаты: ослепленный, сбитый с толку и безмерно счастливый. Я одновременно и обогнал, и отстал от своих одноклассников, так что теперь мне нужны были репетиторы, особенно по математике. Долгое время я вообще не подозревал о существовании такого предмета.

Между тем жизнь нашей семьи переменилась. Теперь мы были хорошо обеспечены: мамин бизнес приносил около двух миллионов лир в год (в те годы один доллар стоил двадцать четыре лиры). Мы переехали в роскошную виллу из двадцати пяти комнат на бульваре деи Милле. При ней был парк, конюшня и много прислуги. Нам с братом купили двух пони, на которых мы катались по парку. В школу мы теперь ездили в легком кабриолете на бесшумных рессорах, отделанном лакированным черным деревом и кожей, и смотрелись очень внушительно.

Мама также купила загородное поместье в Рибойе²⁵, на вершине холма, окруженного сорока четырьмя гектарами элитных виноградников; знаменитые виноградники Антинори располагались у нас по соседству. Мама настаивала, чтобы я принимал участие в изготовлении вина вместе с давилщиками винограда, и мне никогда не забыть непередаваемое, блаженное ощущение лопающихся ягод под босыми ступнями. В то же время я недоумевал: *Мы давим виноград грязными ногами, кто же захочет пить такое вино?* Внутри наш загородный дом был прохладным, с выложенными терракотовой плиткой полами, при нем была маленькая часовня XV века. Там мы проводили уик-энды, а лето – в Форте-деи-Марми. Теперь у нас было три машины – *Stutz, Alfa и Fiat*.

Это было время, когда нас активно обучали всем необходимым джентльмену премудростям. По настоянию мамы мы посещали уроки бокса, фехтования и игры на фортепьяно. Кроме того, мы занимались бальными танцами с известным маэстро Далькросом (я был неплох) и четкой с черным танцовщиком из Фоли-Бержер (я был лучшим в своей группе). Спортсменом я тоже считался хорошим, занимался в школе футболом и бегом, а еще постоянно рисовал карикатуры, мало обращая внимание на происходящее в классе. Мама считала, что у меня есть художественные способности.

Но, несмотря на все эти достижения, меня преследовало чувство неуверенности в себе. Я был маленьким, хрупким, выглядел младше своего возраста, и расти мне пришлось долго. Помню, как однажды в лучшем своем костюме, довольный и счастливый, я шел в воскресенье по улице, и какой-то парень окликнул меня: «Эй, Пиноккио!»

Мне тогда было лет двенадцать, мои сверстники быстро превращались в мужчин. А я был среди самых маленьких ребят в классе и выглядел совсем мальчишкой.

²⁵ Рибойя – деревушка неподалеку от Флоренции.

Мне наняли домашнего наставника, который должен был помочь мне стать настоящим мужчиной. Этот джентльмен, полковник Зборомирский, оказал большое влияние на всю мою последующую жизнь. Он был офицером Преображенского лейб-гвардии полка и держался с подобающим достоинством. Это был высокий плотный мужчина с коротко стриженными седыми волосами и ухоженными усами с подкрученными кончиками. Голубые глаза с длинными ресницами и прямая осанка довершали портрет. Говорил и двигался он степенно и размеренно – вот это мне в нем нравилось больше всего. Я все еще был очень нервным и, когда мама, как товарный поезд, на всех парах налетала на меня с очередными распоряжениями, мог подскочить от неожиданности. Но Зборомирский всегда действовал на нее успокаивающе: «Графи-и-иня, графи-и-иня, пожа-а-алуиста...»

Я готов был следовать за ним повсюду, думаю, что и он был ко мне сильно привязан – как отец к сыну. Я часто думал: *Вот таким я стану, когда вырасту*. Мне ни в коем случае не хотелось походить на своего отца, который терял самообладание в самых обычных житейских ситуациях. Я мечтал быть человеком действия, как отважные герои книг: Айвенго, д'Артаньян, Ричард Львиное Сердце. Мужчиной, который с улыбкой встречал все невзгоды. Даже мама мне говорила: «Только не будь таким, как отец». А Зборомирского окутывала аура величавости и достоинства.

Он жил с нами на бульваре деи Милле и участвовал в строгом ритуале семейных обедов. Мы с Жижой должны были принять ванну и сменить бриджи и свитеры на рубашки и галстуки. Зборомирский проверял чистоту наших рук и следил, чтобы мы почистили зубы.

Во время обеда следовало поддерживать вежливую беседу, каждый из нас должен был рассказать, как прошел его день. Зборомирский давал нам наставления: «Олег, не говори с полным ртом. Это не принято» или «Вино надо пить бесшумно, маленькими глотками, чтобы распробовать». И учил более тонким вещам: «Когда вы будете курить сигару после обеда, не зажимайте ее зубами. Флиртуйте с ней».

Днем он, как многие русские, предпочитал стиль английского помещика – одежду из твида и трубку. «Олег, – говорил он мне, – одежда и внешний вид имеют решающее значение для твоего положения в обществе. Но не менее важно и то, что хорошая одежда создает настроение и придает уверенность в себе».

Зборомирский учил меня как азам этикета – вставать, когда дама входит в комнату, приподнимать шляпу при встрече, – так и разбирал более сложные ситуации. Например, что делать, если ты пришел в гости с девушкой, а она предпочла тебе другого кавалера.

«Надо вызвать его на дуэль, – отвечал я в соответствии с рыцарским кодексом чести. – На кулачный бой».

«Ни в коем случае, – веско говорил Зборомирский. – Джентльмену следует поступить так: не бить этого мужчину, но всем видом выказывать вежливое, холодное безразличие. Это будет лучшей мезью. С другой стороны, в твоих словах тоже есть правда: если соперник напрямую бросает тебе вызов, никогда не следует по-христиански подставлять другую щеку. Это для слабаков. Такое нельзя спускать с рук, на оскорбление обязательно нужно дать ответ – и не слушай женщин, которые начнут тебя отговаривать. Мужчина должен защищать свою честь».

А самое главное, понятия о чести и этикете исходили из строгих моральных принципов Зборомирского. «Обладать хорошими манерами недостаточно, – говорил он. – Надо чувствовать их сердцем».

Моя первая реальная возможность опробовать джентльменскую стратегию Зборомирского в отношении женщин представилась летом 1927 года, когда мама вывезла всю семью на летний сезон в Довиль. Представьте: мне четырнадцать лет, и я впервые пришел на чай с танцами в знаменитом казино. На мне превосходно сидящий синий блейзер (сшитый моим портным), белые фланелевые брюки, белая шелковая рубашка и галстук в полоску. Волосы

зализаны назад, как у аргентинского танцора с помощью *gomina*²⁶. Я всеми силами стараюсь выглядеть солидно, в стиле Зборомирского. Оркестр играет танго, популярный тогда танец. Танго я танцевать не умею, но какое это имеет значение: я чувствую себя волком в поисках добычи. Замечаю красивую девушку, беседующую с подругой. Она на голову выше меня и старше, очень модная, с короткой стрижкой. Зовут ее Жаннет Арран, как я потом узнал. Это достойный трофей!

Я на превосходном французском приглашаю ее на танец: *Mademoiselle, voulez-vous dancer avec moi?*²⁷

*Pourquoi pas?*²⁸ – пожимает плечами она. Энтузиазма в ее голосе нет, но я не обращаю на это внимания и веду свою даму на танцпол. Остается важный вопрос: как танцуют танго? Я двигаюсь под музыку строго по прямой. Когда мы таким манером обходим весь зал, она вежливо говорит *merci beaucoup*²⁹, кивает мне и возвращается к подружке.

Я страшно горд собой и решаю попытаться счастья с другой девушкой. Намечаю себе новую жертву и направляюсь к ней, по пути минуя Жаннет Арран, и слышу, как она говорит: «О нет, только не это малолетнее дерьмо».

И я уничтожен одним махом.

Тем летом 1927 года я поставил себе целью иметь в обществе оглушительный успех, именно оглушительный, подлинный триумф. Жаннет Арран дружила с Ольгой и Карлосом Гомесами, детьми венесуэльского диктатора. Я был по-настоящему влюблен в Ольгу и полон решимости добиться ее расположения. И не важно, что она была намного меня выше и видела во мне только приятеля ее младшего брата.

Хуан и я развлекались в Довиле вместе. Ему тоже было четырнадцать, и он водил «роллс-ройс». Мы ездили по казино, заказывали шампанское и икру. Мама не возражала против таких трат: в правильной компании все было дозволено. У нас случалось много приключений тем летом, и я немало узнал о себе самом. Это был некий поворотный пункт в моей жизни.

Во-первых, я понял, что не боюсь драться. Однажды, когда Жижжи, мой кузен Лелло и я возвращались домой с пляжа, к нам привязались мальчишки, подносящие клюшки в гольф-клубе. Это были крепкие ребята, и они прижали нас к стене. Лелло заплакал, и они, в типичной для всех хулиганов манере, выбрали его главной жертвой и стали отвешивать ему тумаки. Этого я стерпеть не мог. Я выхватил «железо»³⁰ из их сумки и замахнулся на них, как заправский дуэлянт. К моему изумлению, они отступили. И тут я понял очень важную вещь: в драке я один стою нескольких человек, потому что начисто лишен страха. В ярости я впадал в своего рода транс, который позволял мне действовать, не испытывая никаких эмоций.

В то лето мама открыла во мне еще один талант, который мог ей пригодиться. В казино устраивались маскарады для детей, и я придумывал наряды для брата и кузена. Когда проходил конкурс на лучший костюм, мои творения – русские костюмы с меховыми шапками и кожаными сапогами – получили первый приз. Я по сути выступил их дизайнером, а шила костюмы портниха по моим указаниям. Мама была довольна, но еще больше порадовали ее итоги парижского модного дефиле, которое мы посетили с молодыми Гомесами. Это был показ Люсьена Лелонга³¹, и он произвел на меня такое впечатление, что я зарисовал увиденное. Сделал это прямо на показе, быстро и, судя по всему, очень точно. Маму мои рисунки восхитили,

²⁶ *Gomina* (исп.) – гель для волос.

²⁷ Мадемуазель, вы со мной не потанцуете? (фр.).

²⁸ Почему бы нет? (фр.).

²⁹ Большое спасибо (фр.).

³⁰ Разновидность клюшки для гольфа, головка которой сделана из железа.

³¹ Л е л о н г, Люсьен (1889–1958) – французский модельер и промышленник. С 1937 по 1947 год был президентом парижского Синдиката Высокой моды.

и она даже включила их в свою новую коллекцию. Она сказала, что я могу понять платье с одного взгляда.

Позже она начнет посылать меня в Париж под видом итальянского журналиста. Я буду ходить по модным показам и зарисовывать для нее все новые модели. Мне было приятно помогать маме, и будет правильным сказать, что мой интерес к моде зародился именно тогда.

А еще он возник из моей искренней любви к женщинам. Я их обожал, меня завораживала их внешность и пластика. Мне всегда будет важно придумать, как помочь им выглядеть еще лучше, как доставить им удовольствие. Я создавал свои модели как истинный ценитель женской красоты. Желание сделать женщинам приятное родилось, я думаю, во время долгих прогулок с Ольгой Гомес по набережной в Довиле. Я понимал, что, раз другие парни превосходили меня физически, мне нужно прикладывать больше усилий, чтобы добиться желаемого. Для этого я собирался стать чемпионом по теннису. Тем летом я увидел свой первый теннисный матч и был очарован элегантностью этого вида спорта, красивыми костюмами, грацией движений. Эти воспоминания несколько лет спустя сподвигнут меня на активные занятия теннисом, в результате которых я стану серьезным игроком и одержу победы во многих теннисных турнирах Италии.

Но в Довиле я еще не был увенчан этими лаврами, и мне приходилось полагаться на другие, более изощренные способы удержать внимание Ольги. Чтобы она просто согласилась прогуляться со мной по набережной – а ни на что большее рассчитывать не приходилось, – я должен был ее развлекать. Мне нужно было научиться беседовать о том, что интересно *ей*, уметь ее рассмешить. Элементарные, казалось бы, вещи, но позже я понял, что большинство мужчин развлекают женщин разговорами о *себе*. Мой успех у женщин, равно как и успех в качестве дизайнера, зиждился на готовности убажывать их. В любви, как и вообще в жизни, хорошо выполненная работа всегда дает свои плоды.

Мои старания не остались незамеченными мамой, и она пыталась меня строго предупредить: «*Cochons!* Свиньи! Все мужчины свиньи! Видишь этих мужчин в инвалидных креслах на набережной? Хочешь знать, почему они в них оказались? Потому что они *свиньи!* Они занимались любовью со многими женщинами. Все мужчины свиньи. Твой отец был свиньей... и ты тоже будешь!»

Пока нет, мама, пока нет. Но скоро...

Глава 2 Взросление

Олег Кассини (крайний слева) с друзьями на площади Святого Петра, 1933

Но не так скоро, как мне бы хотелось.

И не потому, что я не старался. Я был хорошо осведомлен о полуполюгендарных традициях европейской аристократии, в том числе об одной из самых сомнительных – использовании служанок для альковных утех. И мне очень нравилась одна из наших горничных.

Ее звали Лючия. У нее была экзотическая внешность – причудливая смесь восточных и южноитальянских черт: темные курчавые волосы, пухлые губы, великолепные белые зубы. И от нее чудесно пахло, учитывая то количество мыла, что она использовала в душе, как мне один раз удалось подглядеть.

Однажды, когда Лючия застилала постели, я недвусмысленно обозначил свои намерения и не встретил сопротивления. На ней была традиционная форма горничной: белый фартук, белая заколка на волосах, черное платье... Мне удалось расстегнуть платье и начать исследовать заповедную территорию под ним, когда в комнату вошли мама и Зборомирский.

Реакция мамы была вполне ожидаемой, она вела себя так, как будто я не раздевал, а расчленял бедную горничную. Она впала в неистовство и кричала, что я свинья, как и мой отец. Сексуальный маньяк! Зборомирский пытался ее утихомирить: «Графиня, графиня, успокойтесь. Ничего страшного не произошло, ничего страшного».

Но мама успокаиваться не желала. Она прогнала горничную, отослала меня в мою комнату, последовала туда за мной и велела встать на колени и молить бога о прощении. Для меня это было огромным унижением, и я не смог удержаться от слез, как ни старался. Думаю, именно с этого момента я начал выходить из-под маминого влияния. Я стал жить своим умом, который подсказывал мне, что никакого чудовищного преступления я не совершил.

После ухода мамы меня навестил Зборомирский. Он присел ко мне на кровать и погладил по голове. «Не плачь, Олег, – сказал он. – Такие вещи случаются, это абсолютно нормально. И со мной такое было».

И этот добрый человек, покуривая сигарету в мундштуке, стал спокойно разбирать ситуацию с точки зрения этикета. Мои порывы были естественной частью моего взросления, но не следовало делать их объектом горничную. Хорошо поставленным голосом он продолжил объяснять мне все тонкости надлежащих отношений хозяев и слуг.

Полковнику удалось убедить маму не увольнять горничную, и при виде Лючии я каждый раз страдал от неудовлетворенных сексуальных желаний, пока в один прекрасный день не узнал, что она встречается с почтальоном. Все мои чувства к ней исчезли моментально.

Этот случай стал лебединой песней Зборомирского в нашем доме. Вскоре он уехал в Швейцарию и не вернулся. Он встретил там женщину, на которой женился. Я хорошо помню наше расставание. «Прощай, Олег, – сказал мне он. – Я хочу, чтобы ты всегда помнил старую русскую поговорку: жизнь – это большой пирог с дерьмом, и каждый день нам приходится съедать по куску». Я до сих пор скучаю по полковнику Зборомирскому.

В школе у меня все еще были трудности, особенно с математикой. Я учился в лицее Галилео, частной школе для мальчиков с очень высокими образовательными стандартами. Это было классическое образование в буквальном смысле слова. Упор делался на изучение греческого, латыни и заучивание наизусть текстов античных классиков. Способностей к зубрежке у меня не было, равно как и желания ею заниматься.

Мама наняла репетитора по имени Беппе Донати, лучшего из учителей, которые когда-либо у меня были. У этого выпускника Флорентийского университета было лицо как с полотен мастеров Возрождения – с голубыми глазами и длинным носом, стройная фигура, потемневшие от постоянного курения зубы и романтический склад ума. Донати меня проэкзаменовал и предложил маме: «Графиня, давайте проведем эксперимент. Вы забираете мальчика из школы, и я за год пройду с ним трехгодичную программу. Будем заниматься по восемь часов в день. Через год он сдаст выпускные экзамены и будет зачислен в университет».

Донати обладал интуицией и понял, что я готов принять вызов. Методы обучения у него были своеобразные: когда он видел, что я устал от одного предмета, он переключался на другой. С греческого на латынь, с истории на геометрию. И мы с ним играли. У Донати было два деревянных меча, на которых мы устраивали поединки в парке. Он был Ахиллом, а я Гектором. Он задавал мне вопрос и, если я не мог ответить, наносил мне удар мечом, а если отвечал правильно, давал возможность нанести удар ему.

В результате я действительно через год сдал экзамены, но тут, признаться, мне повезло. Заучивать длинные тексты наизусть у меня не особенно получалось, а часть экзамена состояла в том, что надо было на память продекламировать сто строчек из Данте, Цезаря или другого

классика. Я начал: *Omnia Gallia est...* Прочитав десять строчек, я понял, что иссяк. К моему счастью, экзаменатор за день подустал и был увлечен разговором со своим коллегой. Поэтому я снова и снова повторял те же строчки, пока он не махнул рукой и не сказал: «Достаточно, по крайней мере, у вас хорошая память».

В это время я сдал и другой, важный для меня и по сей день экзамен, для чего мне тоже понадобилась помощь профессионального репетитора. Во Флоренции тогда было два борделя – Саффо и Ла Рина, – которые были образовательными заведениями и своего рода клубами для молодых людей из хорошего общества. Обслуживали они и видных людей города, включая мэра. (В маленьких городках даже священники могли иногда заглянуть на чашку кофе.) Можно было зайти в заведение подобного уровня, чтобы поиграть в карты, выпить и просто пообщаться; интимные отношения с девушками, которые в неглиже фланировали по залу или томно возлежали на кушетках, не были непременно условием. В те дни итальянское правительство контролировало и выдавало лицензии всем борделям, регулярные медицинские обследования были обязательны. Позже, после принятия закона Мерлин³², по которому закрыли все публичные дома, случаи венерических заболеваний участились в сотни раз. А тогда в борделях в основном работали крестьянские девушки и немного иностранок, все они были опрятны и некоторые – весьма привлекательны.

Моя инициация произошла в Ла Рине, борделе, названном по имени его хозяйки-гречанки, с которой следовало общаться с уважением, на равных. Интерьер заведения был соответствующий – мебель стиля рококо, везде портьеры и зеркала.

Я пришел туда вечером в компании пяти или шести друзей. За громкими разговорами и хвастовством я старался скрыть свою нервозность. Мне было семнадцать. Нам подали кофе, и девушки стали порхать рядом с нами, чтобы мы их разглядели. Приближался момент истины, я умолк и ушел в себя. Нам предстояло сделать выбор, а меня словно парализовало. Я просто не мог... не хотел *обидеть* никого из девушек тем, что не выберу ее. И тут одна из них (самая хорошенькая, по моему мнению) подошла ко мне и сама выбрала *меня*. Эту голубоглазую брюнетку звали Рамона. Она отвела меня в свою комнату, и... я так волновался, что у меня ничего не получилось.

Рамона была ко мне очень добра. Она сказала: «Не беспокойся, с каждым такое может случиться. Ты немного понервничал, постоянно об этом думал». Правда, но не вся: я нервничал сильно и был неумел. Рамона предложила мне: «Знаешь что, приходи ко мне завтра утром – бесплатно. Я тебя приглашаю».

Это меня приободрило, и я вернулся к приятелям, беззастенчиво трубя о своих успехах. Возможно, я даже похвастался, что Рамона пригласила меня снова зайти утром. Во всяком случае, утром я действительно вернулся, и на этот раз все прошло гладко. Теперь это не было актом купли-продажи, мы с Рамоной стали друзьями.

Но моя неудача продолжала меня беспокоить, и я решил поговорить с отцом. Он посмеялся, посоветовал ни о чем не волноваться и сказал, что в первый раз с ним было то же самое. «Только примитивный самец может функционировать безотказно, – сказал он, – потому что для него заниматься сексом все равно что съесть порцию спагетти».

И должен признаться, впечатляющих результатов в любовных делах я всегда мог добиться только в романтической ситуации – мне нужны были чары, загадка, интрига. Мои романы часто развивались *несмотря на* физические контакты, а не благодаря им; с углублением отношений крепла моя вера в себя, а с ней и мой боевой задор. Я никогда, как многие в эпоху сексуальной революции, не утверждал, что секс – всего лишь одна из биоло-

³² По закону, названному по имени члена парламента Лины Мерлин, публичные дома в Италии были запрещены в 1958 году.

гических функций организма. Сводить такое будоражащее, интимное проявление чувств к простой физиологии казалось мне величайшей глупостью. Сам акт любви интересовал меня гораздо меньше, чем сюжет, который к нему привел. Искусство соблазнения, его захватывающая интрига и бесконечно разнообразные нюансы намного важнее конечного результата. Сейчас, пятьдесят лет спустя, как умудренный ветеран, я хорошо помню стратегию и тактику моих любовных кампаний, а вот об их результатах и не думаю.

С юных лет я тщательно, с душевным подъемом готовился к каждому свиданию. Я предвкушал победу на главной арене жизни, и каждый раз все было поставлено на карту. Мне необходимо было предстать в образцово-романтическом образе, а позже, если я проводил ночь с женщиной, я старался выглядеть безупречно, когда она откроет глаза утром. Я совершал все необходимые омовения и поливал себя одеколоном «Аткинсон», который всегда носил с собой в бритвенном несессере.

Даже не знаю, почему эти ритуалы были и остаются столь важными для меня. Подозреваю, что причина кроется в моих эстетических стандартах, в глубоком убеждении, что ни одна стоящая женщина не захочет иметь со мной дела, если я не буду выглядеть безукоризненно.

И даже в этом случае, причесанный волосок к волоску, я чувствовал, что победа не достанется мне легко. С внешностью мне не так повезло, как иным красавчикам, при виде меня девушки в обморок не падали. За каждый трофей в те дни мне приходилось бороться. Нужно было шевелить мозгами.

Главной добычей в те дни были американские студентки, такие свежие и непосредственные в своих юбках и свитерах, такие непохожие на своих итальянских ровесниц. Итальянские девушки были намного осторожнее, берегли свою репутацию, и их строго контролировали. Необдуманное слово или поползшие слухи могли загубить их доброе имя (в чем мне вскоре предстояло убедиться). Отношения с итальянками были делом серьезным, а потому рискованным, а вот американки, последний семестр изучавшие искусство перед тем, как вернуться домой и выйти замуж, были здесь лишь временными гостями. Если постараться, можно было стать частью их флорентийской образовательной программы.

У меня была разработана надежная и, не побоюсь этого слова, блестящая стратегия. Мы с приятелями отправлялись в ту часть города, где можно было встретить американок, выбирали компанию из трех-четырех девушек, прогуливавшихся по улице, и начинали представление. Приятели шли за ними по пятам, отпуская непристойные комментарии и издавая похотливые звуки. Девушки или сопровождающая их дама-компаньонка пытались прогнать наглецов, но те всё больше распоясывались. И тут появлялся я, давал этим нахалам отпор и обращал их в бегство, после чего говорил компаньонке: «Леди, хочу принести вам свои извинения. Мне стыдно, что я итальянец, когда я вижу, как ведут себя эти хулиганы. Разрешите проводить вас до отеля, чтобы впредь оградить от подобных оскорблений». И ответ неизменно был: «О, спасибо. Как приятно встретить здесь настоящего джентльмена».

Я шел с ними до «Гранд-отеля» или «Отеля да ла Вилль», если они были состоятельны. В знак признательности они приглашали меня на чашку чая или просто рассыпались в благодарностях. И тут я снова обращался к компаньонке: «Если позволите, в ознаменование нашего чудесного неожиданного знакомства я бы хотел пригласить юных леди на ужин. Сочту за честь сопровождать и оберегать их, ведь вы, наверное, очень устали». Вы не представляете, как часто мое предложение принималось, всегда с непременным условием: «К полуночи они должны вернуться в отель. В восемь утра нам нужно быть в музее».

Вечером я отправлялся с девушками в ночной клуб, мой любимый, с живой музыкой (там я научился танцевать румбу), под названием «Раджола». В клубе нас уже поджидали мои друзья – те, что преследовали девушек на улице. Знакомство с американками было их вознаграждением. Забавно, что девушки практически никогда их не узнавали! В общем, схема работала.

Существовали и другие, не столь мудреные способы знакомства с американскими студентками. Два или три пансиона для девушек, занимавшие виллы на окраине города, иногда приглашали молодых людей на чай и танцы. Мы знакомились с американками и договаривались о свидании поздно вечером. Это было очень романтично. Вокруг пансионатов были стены, усыпанные битым стеклом. Мы разбивали стекло молотком и в полночь перелезали через стену, а девушки, воодушевленные нашей доблестью, были к нам особенно благосклонны.

Мой день начинался с утренних лекций в университете. Затем мы с приятелями собирались в кафе «Доней», расположенном на виа Торнабуони, самой элегантной улице Флоренции. Мамино ателье находилось в пятиэтажном здании напротив. После ланча (сэндвич и коктейль «Американо» – джин с лимонным тоником) мы несколько часов пристально изучали и обсуждали каждую проходившую мимо девушку. Нашему критическому разбору подвергались и итальянки, и иностранки. Итальянки, по нашему мнению, проигрывали по всем статьям, возможно, они казались нам не столь желанными из-за своей недоступности. С итальянкой в лучшем случае можно было рассчитывать на «свидание в плаще». Так мы называли поход с девушкой в кино под надзором кого-нибудь из старших; парень приходил в плаще, под покровом которого парочка совершала разные приятные манипуляции. При этом оба сохраняли невозмутимое выражение лица, чтобы их ни в чем не заподозрили.

А вот итальянские мужчины, как мы считали, намного превосходили своих соотечественниц по привлекательности, хотя и те, и другие уделяли много внимания своей внешности. Мы одевались безукоризненно и подробно говорили о моде. Стильно одеваться было целым ритуалом, состоянием, близким к влюбленности. Мы ходили по магазинам, могли провести там целый день, но не так, как это делают сегодня. Эмоции были совершенно другие – все эти обсуждения важнейших деталей: ткани, покроя, швов, вызывали у нас священный трепет. Мы были архитекторами своего образа, контролировали пошив каждого костюма, как архитектор контролирует строительство здания. Если мне надо было сшить новую пару обуви, я шел к сапожнику Гуччи, который впоследствии достиг международной известности, а тогда был просто хозяином маленькой мастерской во Флоренции. Он демонстрировал мне разные виды кожи, и мы их подробно обсуждали, так же как и стиль, и конструкцию туфель. Гуччи делал лучшие мокасины в Италии, через несколько недель после заказа вам доставляли сшитую по мерке новенькую пару. Лучшим в своем деле был и Занобетти, изготовлявший шляпы борсалино и шелковые рубашки, и портной Франчи (у него я заказывал два классических костюма в год). Единственными готовыми вещами, которые мы покупали, были свитеры и изделия из твида в магазине «Старая Англия». Мы занимались своим гардеробом усердно и скрупулезно, ничего другого в жизни мы не умели делать так хорошо.

Я думаю, что мы постоянно искали, чем бы себя развлечь, потому что во Флоренции практически нечем было заняться. Это был мертвый каменный город XV века, музей под открытым небом, поддерживаемый, как и Венеция, в этом состоянии во благо туристов. Жизнь была ленивой и неспешной, особенно для студента университета, которым я числился в то время. Частенько студенты из лучших семей бездельничали лет до двадцати семи, немножко чему-то учились, а потом женились и вели еще более скучную и размеренную жизнь джентльмена из общества. Такое будущее предстояло и мне, если бы я остался во Флоренции.

Ближе к вечеру, если позволяла погода, я отправлялся в теннисный клуб и проводил там пару часов. Я начал играть недавно, но уже слыл в клубе хорошим игроком. Первые уроки тенниса я получил на каникулах в Форте-деи-Марми, когда мне было шестнадцать. В то лето моей подружкой была американка Бейби Чалмерс, пышущая здоровьем блондинка, любительница морских прогулок. Мы с ней уплывали в море на маленькой лодочке *pattino*, которые туристы считают такими живописными, но они могут служить и вполне практическим целям. Мы с Бейби забирались подальше от берега, укрываясь от посторонних глаз. И все шло прекрасно,

пока однажды я не обнаружил покачивающуюся неподалеку на волнах мать моей подружки, миссис Чалмерс, которая решила нас проконтролировать.

Бейби Чалмерс была типичной американкой, очень спортивной и очень красивой. Однажды мы с ней гуляли в *pineta* — сосновом бору — и набрали на теннисный корт. Хозяин корта, Франчесчи, был на месте, и Бейби захотела сыграть с ним партию. Я наблюдал за их игрой, а потом Франчесчи пригласил нас на турнир в Виареджио. Этот турнир решил для меня все. Я вспомнил, в какой восторг пришел от тенниса — самого элегантного вида спорта — еще в Довиле. Я просто *обязан был*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.